

Скучно тому, кто читает книгу, не будет – каждый раз он в другой комнате.

Алфавит. - 2002 - февраль - с. 28-29.

Ни американские бомбардировки (фото сверху), ни свержение Милошевича (внизу) погруженный в прошлое Павич, похоже, не заметил.

Милорад Павич: "Стоит один раз признаться, что вы хазар, и вас всегда будут называть хазаром. Поэтому я не признаюсь".

шёл две фразы, где речь идёт о вещах, известных только писателю Немани Митровичу и мне, поэтому этот рассказ не ваш, а, наверное, Немани Митровича". И когда моё письмо появилось в печати, уже никто не понимал: чей это рассказ. Так до сих пор и разбираются.

– Вас всё время называют постмодернистом. Как вы к этому относитесь?

– Знаете, стоит один раз признаться в том, что вы хазар, и вас всегда будут называть хазаром. Поэтому я не признаюсь.

– Вы всегда обращаетесь к истории, к прошлому – будущее вам не интересно?

– Я не вижу разницы: если вы стоите на какой-то определённой позиции, то вы чувствуете и прошлое, и будущее.

– Герои ваших книг – писатели – меняются собственными текстами, дарят их друг другу, даже выигрывают и проигрывают. В реальной жизни что-нибудь подобное происходило?

– А как же! Однажды молодой писатель захотел опубликовать свой рассказ под моим именем. Мне позвонили из редакции: "Вы не возражаете?" Я спросил: "Рассказ-то хороший?" – "Хороший". – "Тогда печатайте". И действительно, они опубликовали этот рассказ под моим именем. Прочитав его, я отправил в газету открытое письмо, адресованное автору – Владимиру Пиштолуге: "Рассказ очень хороший, мне очень приятно, что он опубликован под моим именем. Но есть одна проблема. В вашем рассказе я на-

шёл две фразы, где речь идёт о вещах, известных только писателю Немани Митровичу и мне, поэтому этот рассказ не ваш, а, наверное, Немани Митровича". И когда моё письмо появилось в печати, уже никто не понимал: чей это рассказ. Так до сих пор и разбираются.

– Я полюбил читать Иоанна Златоуста. И не только литургическую по-

СОЧИНИТЕЛЬ

эзию, мне близки его философские взгляды. Разумеется, Григорий Богослов. Эти писатели прежде всего проповедники. Вообще, в XVII–XVIII веках на Украине и в Сербии были хорошие проповедники. Один из них, Венслович, писал на чистом сербском языке. Именно у него я научился строить фразу, которая будет красивой не только для глаза, но и для уха. Благодаря этим писателям-проповедникам я понял, как поддерживать внимание слушателей: ведь о чём заботится человек, читающий проповедь: чтобы его прихожане не засыпали. Это необычайно важно и для литературы, потому что гораздо легче заснуть, держа книгу в руках, чем стоя в церкви.

– Читая ваши книги, порой задумываешься: что это стихи в прозе или роман, новелла?

– Я вообще-то начинал со стихов, и первая моя книга – поэтический сборник. А потом я написал книгу рассказов; в следующей я поместил рассказы и поэмы. Наконец всё бросил и начал подливать воду в вино. Это значит, что я начал смешивать поэзию и прозу, рассказы и романы – словом, потерял ощущение границы между литературными жанрами. Считаю, это очень хорошо: ведь совершенно не важно, как вы всё это называете. Важно другое: воздействует это на читателя или нет. Один литературный критик назвал "Хазарский словарь" сборником стихов. Я думаю, он был прав. Знаете, мне нравится пи-

сать стихи на языке наших древних церковных преданий, то есть в форме литургической поэзии.

– Вы часто встречаетесь с читателями, и вас нередко просят прочитать стихи, но вы отказываетесь. Почему?

– Я не эстрадный поэт, и это моя идеологическая позиция. Дело в том, что, когда я начал писать стихи и входил в литературу, многие необычайно злоупотребляли эстрадной поэзией. Особенно в России. Это российское влияние заразило и поэтов моей страны. Но я не хотел учить наизусть собственные стихи, дабы произносить их вслух.

– Знаю, в 1993 году югославский режиссёр Драган Маринкович снял полнометражный фильм "Byzantine Beue" по вашим рассказам. Это единственная работа в кино?

– В разных странах было несколько попыток сделать фильм по "Хазарскому словарю". Но по финансовым причинам эти попытки провалились: все бо-

СНОВ

– Не знаю. В прошлом году вышла книга "Звёздная мантия" – для непосвящённых в астрологию. Это роман, который имеет структуру справочника, обучающего, как смотреть на звёзды и что можно узнать, грамотно их разглядывая. А недавно я закончил книгу "Страшная любовная история". В ней я получаю два письма, в которых герои моих предыдущих книг приглашают меня на обед. Одни меня любят, потому что в своих романах я их сделал счастливыми. Другие герои меня не любят, потому что я их убил в своих книгах, однако они тоже зовут меня на обед. А что там произошло, рассказывать не стану – прочитаете сами.

– Вы часто встречаетесь с читателями, и вас нередко просят прочитать стихи, но вы отказываетесь. Почему?

– Я не эстрадный поэт, и это моя идеологическая позиция. Дело в том, что, когда я начал писать стихи и входил в литературу, многие необычайно злоупотребляли эстрадной поэзией. Особенно в России. Это российское влияние заразило и поэтов моей страны. Но я не хотел учить наизусть собственные стихи, дабы произносить их вслух.

– Знаю, в 1993 году югославский режиссёр Драган Маринкович снял полнометражный фильм "Byzantine Beue" по вашим рассказам. Это единственная работа в кино?

– В разных странах было несколько попыток сделать фильм по "Хазарскому словарю". Но по финансовым причинам эти попытки провалились: все бо-

– Я вообще-то начинал со стихов, и первая моя книга – поэтический сборник. А потом я написал книгу рассказов; в следующей я поместил рассказы и поэмы. Наконец всё бросил и начал подливать воду в вино. Это значит, что я начал смешивать поэзию и прозу, рассказы и романы – словом, потерял ощущение границы между литературными жанрами. Считаю, это очень хорошо: ведь совершенно не важно, как вы всё это называете. Важно другое: воздействует это на читателя или нет. Один литературный критик назвал "Хазарский словарь" сборником стихов. Я думаю, он был прав. Знаете, мне нравится пи-

сать стихи на языке наших древних церковных преданий, то есть в форме литургической поэзии.

– Вы часто встречаетесь с читателями, и вас нередко просят прочитать стихи, но вы отказываетесь. Почему?

– Я не эстрадный поэт, и это моя идеологическая позиция. Дело в том, что, когда я начал писать стихи и входил в литературу, многие необычайно злоупотребляли эстрадной поэзией. Особенно в России. Это российское влияние заразило и поэтов моей страны. Но я не хотел учить наизусть собственные стихи, дабы произносить их вслух.

– Я полюбил читать Иоанна Златоуста. И не только литургическую по-

ак появляются романы в форме описания ящика для письменных принадлежностей.

ТЕНЬ ПЛЕТЕНИЯ

Стас Артёмов

Он едва ли получит Нобелевскую премию по литературе, кто бы и сколько бы раз его ни выдвигал. Довольно давно уже обладатели награды Шведской академии в значительной степени определяются не местом в литературе, а политическими обстоятельствами.

МИЛОРАД ПАВИЧ – СЕРБ, ЖИВЁТ В БЕЛГРАДЕ, НО – КАК БЫ В ДРУГОЙ ЭПОХЕ, ГДЕ НЕТ И НЕ БЫЛО СЛОБОДАНА МИЛОШЕВИЧА, УГНЕТЕННЫХ АЛБАНЦЕВ И НАТОВСКИХ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ. ОН ПОДЧЕРКНУТО ДАЛЕК ОТ ПОЛИТИКИ, ЕГО ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ, ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ, – БАЛКАНЫ ЭПОХИ ЯНЬЧАР ИЛИ АВСТРИЙСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА, ТЕХ ВРЕМЁН, КОГДА СЛОВО "АФОН" ДЛЯ РУССКИХ ЗНАЧИЛО – "ВЕРА", А НЕ ПОТЕРЯННЫЙ С РАСПАДОМ СССР КУРОРТ.

"Один француз спросил, не марксист ли я. Я сказал – нет, я византиец. Иначе говоря – православный. Однако мой ответ не был опубликован; видимо, этот француз счёл, что быть византийцем – ещё хуже, чем быть марксистом", – рассказывал Павич в интервью.

Это слово – "византиец" – не случайно. Стилистика Павича подчёркнуто архаична. Сам писатель объясняет, что воспитывался скорее не на письменной, а на устной традиции – на сербских народных пословицах, поговорках, загадках, а главное – сборниках "византийских" проповедей Венцловича, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и т.д. Отсюда и удивительная лёгкость, певучесть языка Павича: "Написанная фраза должна очень хорошо звучать, звенеть, когда вы читаете её вслух".

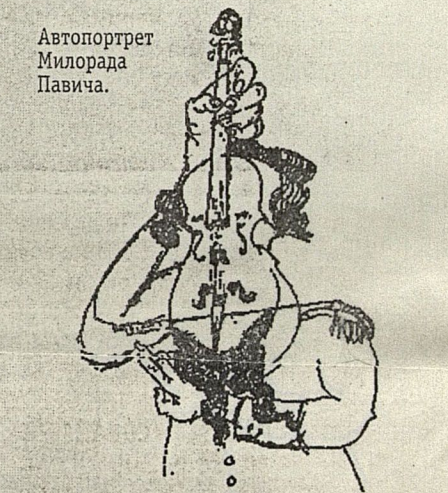
Это увлечение "архаикой" определило занятия Павича на долгие годы: изрядную часть его трудов и по сей день составляют научные работы о сербской литературе и поэзии, а также переводы со старосербского. Филологические штудии имели под собой ещё одно основание: Павич не сомневался, что в социалистической Югославии его проза или драматургия едва ли будут опубликованы. Хотя в сравнении с Советским Союзом или Китаем балканский социализм был помягче, но и тут к литературе подходили с требованиями "идеальности". Павич же считает, что в отношении его книг "не совсем верно употреблять слово "идея"; лучше, наверное, говорить об эмоциях, об интуиции, о любви, о фантазии. А ещё лучше – о рассказывании историй. Хорошая история – это именно то семя, из которого позже рождается дитя, а им может стать и фильм, и роман, и пьеса".

Написанное с такой установкой одновременно и притягивает, и отталкивает –

немало интеллигентнейших людей говорят о Павиче, что после прочтения его книг в голове ничего не остаётся и они не видят в этих книгах предмета литературы. Тут, видимо, вопрос даже не вкуса, а восприятия жизни.

НЕ СТИЛЬ, НЕ МАСТЕРСТВО РАССКАЗЧИКА ЗАСТАВЛЯЮТ МНОГИХ СЧИТАТЬ ПАВИЧА ЕДВА ЛИ ПЕРСОНАЖ НОМЕР 1 В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЯЗЫК ВСЕГДА ТЕРЯЕТ В ПЕРЕВОДЕ (САМ ПАВИЧ, ПРАВДА, УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ПИСАТЕЛЬ, КОТОРЫЙ НЕ МОЖЕТ ВЫДЕРЖАТЬ ПЛОХОГО ПЕРЕВОДА, – ПЛОХОЙ ПИСАТЕЛЬ). ЕГО ГЛАВНАЯ ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ – СЛОМ ПРИВЫЧНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ПРОЗЫ. ЕГО ЧАСТО НАЗЫВАЮТ ПЕРВЫМ ГИПЕРТЕКСТОВЫМ ПИСАТЕЛЕМ, ХОТЯ В СИЛУ ВОЗРАСТА, НАПРИМЕР, ПАВИЧ НЕ СЛИШКОМ БЛИЗОК К МИРУ ИНТЕРНЕТА.

Разумеется, он не первый, кто экспериментировал с романной формой, – вспомним того же Кортасара с его "Игрой в клас-

сики". Но Павич едва ли не первый, кто перестал считать "формальные" упражнения экспериментом, а возвёл их в принцип и считает непременным условием своей работы: "Дом обычно начинают строить с фундамента. Что касается романа, то тут начинать нужно с крыши. А затем уже – потихоньку опускаться вниз, к фундаменту. Многие уверены, что существующие литературные жанры заданы нам раз и навсегда. Я же считаю, что всякий материал и всякая тема требует своей, особой и специфической формы. Я не мог написать "Хазарский словарь" до тех пор, пока не понял, что для этого романа мне нужна именно такая структура, как словарь".

Так появляются романы в форме описания ящика для письменных принадлежностей, в форме кроссворда или комментария к гаданию на картах таро... Так появляются книги, читать которые можно разными способами, получая, соответственно, разные произведения.